

Миронова А.А.¹⁾, Тугай Л.А.²⁾

**СПОСОБЫ МАНИПУЛИРОВАНИЯ
КАК АРХЕТИПИЧЕСКАЯ СХЕМА
В МОШЕННИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[©]**

¹⁾ *Национальный исследовательский университет
«Южно-Уральский государственный университет»,
Россия, Челябинск, mironovaaa@susu.ru;*

²⁾ *Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Россия, Челябинск, l_tugai@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена описанию способов манипуляции в речи мошенника, способам воздействия на жертву. Актуальность исследования обусловлена ростом количества преступлений, совершаемых опосредованно телекоммуникационными средствами: незащищенность населения от нежелательной коммуникации увеличивает важность изучения речи мошенника в реальных условиях коммуникации. Материалом выступили реальные записи по материалам уголовных дел о мошенничестве. Речевое воздействие анализируется на уровне прагматики. Авторы рассматривают речевую манипуляцию как актуализацию архетипической схемы, которая вынуждает жертву мошенника действовать в рамках определенного сценария. В результате анализа исследована речевая форма архетипического действия как операционной последовательности. Выделены способы вербального манипулирования в мошенническом дискурсе. Раскрывается реализация соотношения потребности, мотива, эмоции в речевой деятельности, представленные в архетипах.

Ключевые слова: мошеннический дискурс; манипуляция; архетип; речь мошенника; нежелательная коммуникация.

Поступила: 10.04.2024

Принята к печати: 17.09.2024

© Миронова А.А., Тугай Л.А., 2025

Mironova A.A.¹⁾, Tugai L.A.²⁾

**Manipulation techniques as an archetypal pattern
in fraudulent discourse[©]**

¹⁾ *National research university "South Ural State University",
Russia, Chelyabinsk, mironovaaa@susu.ru,*

²⁾ *South Ural State Humanitarian Pedagogical University,
Russia, Chelyabinsk, l_tugai@mail.ru*

Abstract. The paper focuses on the description of manipulation techniques in the speech of a fraudster and tools to influence the victim. High incidence of crimes committed using mobile phones makes the current research relevant. The authors argue that importance of studying the speech of a fraudster in day-to-day communication contexts stems from the fact that the mainstream population is vulnerable to such unwanted communication. The empirical material includes real recordings of criminal cases. Verbal manipulation is analyzed in the context of Pragmatics. The authors consider verbal manipulation within the framework of an archetypal scheme which pushes the victim of a fraudster to follow a certain scenario. The analysis undertaken was aimed at studying the speech form of an archetypal action as an operational sequence. Tools of verbal manipulation in fraudulent discourse are identified. The authors reveal the correlation between the need, the motive, and the emotion, presented in archetypes, in speech.

Keywords: fraudulent discourse; manipulation; archetype; fraudster's speech; unwanted communication.

Received: 10.04.2024

Accepted: 17.09.2024

Введение

Начало 20-х годов XXI в. ознаменовалось в России стремительной информационной цифровизацией, что привело к изменениям в основных сферах жизни социума. Экономическая, политическая, социальная и духовная сферы переживают внедрение новейших технологий, однако не всегда такое внедрение проходит без потерь. Вместе с благами в Интернет шагнули и такие масштабные угрозы, как экстремизм, терроризм, организованная преступность, преступления в сфере компьютерной безопасности. В Сети наблюдается «коммуникативное перенасыщение и утрата иммунитета к нежелательной коммуникации» [Карасик, Слышкин, 2021, с. 14]. К сожалению, самым частотным и заметным результатом неже-

лательной коммуникации посредством Интернета и мобильной связи стал новый вид имущественных преступлений. Ущерб от дистанционных краж и мошенничества в последние пять лет растет в геометрической прогрессии [Куштаев, 2023]. Отличительной особенностью всех цифровых преступлений является дистанционный способ их совершения. Такие преступления принципиально отличаются отсутствием физического или пространственного контакта между преступником и жертвой.

Дистанционное совершение преступления не снижает его общественной опасности, тем более такой способ преступления предполагает серьезный и целенаправленный подход к детальному планированию и реализации преступного умысла. Так, «для того чтобы совершить, например, мошенничество путем обмана или злоупотребления доверием, преступник может зарегистрироваться в нескольких социальных интернет-сетях под разными именами и в течение продолжительного времени вести общение с ничего не подозревающими потерпевшими, и только после того, как он полностью завладеет их доверием, попросить денег и обмануть» [Языковые средства манипуляции жертвой ..., 2023, с. 5].

Целью данного исследования является анализ приемов манипулирования вниманием и эмоциями жертвы в мошенническом дискурсе на основе выявления архетипов. Источник языкового материала – уголовные дела¹, возбужденные по статье 159-159.1. прим. 1-6 УК РФ «Мошенничество», осуществляемое при помощи мобильных средств связи; исследовалось дословное содержание текстов спорных фонограмм. Анализу подверглись 50 текстов спорных фонограмм.

Методика дефиниционного анализа послужила основой для сопоставительного психолингвистического исследования. Для изучения словарных определений исследуемых языковых единиц в зависимости от типа словаря выявляются: происхождение и этимологические связи лексем; сочетаемость; стилевые характеристики; эмоциональная маркированность, ядро и периферия семантической структуры, семантические связи, частотность употребления, степень нормативности, контекстуальные ограничения употребления и прочее. В ходе исследования использованы также такие

¹ Материалы уголовного дела № 11901750096003446, СЧ ГСУ ГУ МВД России по Челябинской области, 2019. Материалы уголовного дела № 12001750005000827, СЧ ГСУ ГУ МВД России по Челябинской области, 2020.

методы изучения, как анализ, синтез, наблюдение, классификация, описательный метод, метод компонентного анализа.

Теоретические основы изучения мошеннического дискурса

В качестве одной из моделей лингвистической реальности была предложена схема, включающая три базовых компонента: личность, концепты, дискурс. Анализируя дискурс, мы определяем концепты и типы личностей, проявляющиеся в этом дискурсе [Карасик, 2004, с. 140].

В культурно-ситуативном аспекте дискурс определяется как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова, 1990, с. 136–137]. Авторы исходят из того, что, поскольку исследованию подверглась живая речь мошенника, целью которого было обогащение за счет жертвы, в каждом исследуемом тексте присутствовало манипулятивное речевое воздействие на адресата.

Е.Л. Доценко предложил следующее определение манипуляции: «...это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [Доценко, 1996, с. 120]. В каждом исследуемом тексте злоумышленник побуждает жертву к определенным действиям, формируя у нее определенный мотив, опираясь на который, жертва теряет бдительность, а ее критическое мышление отключается. В результате у жертвы создается полная иллюзия того, что все действия, предлагаемые позвонившим, совершаются ради ее блага.

В данном исследовании мошеннический дискурс рассмотрен на материале архетипов, которые выделил К.Г. Юнг. «Архетипы “коллективного бессознательного” являются своеобразными когнитивными образцами, тогда как инстинкты – это их корреляты; интуитивное схватывание архетипа предшествует действию, “спускает курок” инстинктивного поведения» [Юнг, 2019, с. 17]. «Праобраз, или архетип, есть фигура – будь то демон, человек или событие, –

повторяющаяся на протяжении истории везде, где свободно действует творческая фантазия» [Юнг, 2019, с. 283].

В каждом исследуемом тексте выделен доминантный архетип, который и рассмотрим в качестве «спускового крючка» (неосознаваемого побудителя поведения личности [Асмолов, 2002, с. 402]), приводящего к активации триады «потребность – мотив – эмоция» и запуску неконтролируемых со стороны субъекта действий (операциональные установки, стереотипы [там же]), являющихся проявлением бессознательного.

Отметим, что исследованию подверглись тексты, являющиеся результатом речевой деятельности человека, поэтому важно добавить, что речевой акт представляет собой сложное образование, состоящее из трех одномоментных фаз, уровней, актов. Выбор и организация языковых средств осуществляется в фазе локуции (локутивный акт). Это, по Сёрлю, акт референции и предикации, выражаемый в пропозиции высказывания, то есть то содержание, которое обеспечивается семантикой языковых единиц, отражающих положение дел в мире [Формановская, 2007, с. 61].

Современные направления исследования мошеннического дискурса

В настоящее время мошеннический дискурс активно изучается рядом отечественных ученых. В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин говорят о том, что «стимулом к развитию критического подхода к информации становится и рост преступности. Принципиальным отличием криминальной ситуации в цифровом обществе от предыдущих эпох становится тот факт, что мошеннический дискурс становится повседневной реальностью для всех членов социума» [Карасик, Слышкин, 2021, с. 14–31]. И.В. Смирнова изучает стратегии и тактики мошенников, подробно описывая схемы реализации преступных замыслов, опираясь на выборку сообщений из сети Интернет. Л.А. Литвинова выявляет лингвопрагматические характеристики ложных утверждений в составе мошеннического дискурса.

Архетипы как основа мошеннического текста

К.Г. Юнг утверждал, что архетипов «ровно столько, сколько есть типичных жизненных ситуаций» [Юнг, 2019]. В ряду множества архетипов основные: Великая мать, Божественный ребенок,

Мудрый старец (Мудрая старуха), Тень, Трикстер, Герой, Анимус (Анима). По нашему мнению, в рамках исследования эффективными (замысел преступника реализован) являются следующие архетипы: Великая мать, Божественный ребенок, Мудрый старец, Герой. В каждом акте коммуникации (тексте) прослеживается обращение к одному архетипу или переключение между архетипами, когда говорящий чувствует неуверенность слушающего и пытается подчеркнуть те компоненты ситуации, которые позволят жертве актуализировать и стереотипное содержание ситуации, и – неосознано – привычное поведение в ней.

Архетип – это имплицитная модель взаимодействия между универсальными фигурами [Доценко, 2008]. Данный термин описан с помощью пяти концептов: «имплицитная» (степень осознанности человеком данного архетипа), «модель» (упрощенная схема, отражающая сущностные признаки действительности, взаимосвязь между элементами действительности), «взаимодействие» (стандартизированные сценарии, которые можно назвать отношениями), «универсальные» (типичные, обобщенные), «фигура» (функциональное место, заполняемое живым или воображаемым участником ситуации взаимодействия) [там же].

Проведенный дефиниционный анализ показал, что в представленном составе исследуемых концептов можно выделить следующие семантические признаки: (1) степень осознанности архетипа; (2) взаимосвязь между элементами действительности; (3) модель взаимодействия.

***Архетипы манипулятивного приема, реализованного
на основе страха за жизнь и здоровье
близкого родственника***

Позиции коммуникантов с самого начала диалога несимметричны, поскольку коммуникант с мужским типом голоса после ситуативно обусловленной самокорректировки репрезентирует себя как внук лица с женским типом голоса, выступает инициатором диалога и контролирует его ход. Далее по ходу разговора инициативу берет на себя потерпевшая. При этом сообщения «внука» очевидно «зашумлены» в начале разговора. Этот факультативный компонент чаще всего отмечается в ситуациях общения с пожилыми людьми. Роль внука и следователя в данном коммуникативном событии принадлежит одному и тому же лицу, искусно меняющему голос.

В рамках манипулятивного приема, основанного на архетипах матери и ребенка, рассмотрим, каким образом закладывается ложная мотивация, актуализируется потребность адресата в действиях. В тексте мошенника, который представляется внуком адресата, наиболее частотными оказываются следующие слова, которые можно считать ключевыми: *мама* – 9 раз (2,7% от словарных единиц в репликах мошенника в исследуемом диалоге); *бабуля* – 5 раз (1,5%); обращение *баб* – 5 раз (1,5%); *внук* – 3 раза (0,91%); *заявление* – 3 раза (0,91%); *позвони* – 4 раза (1,2%). На основании ключевых слов можно сделать вывод, что текст направлен на то, чтобы вызвать в сознании адресата образ ребенка, нарушившего наставления матери и попавшего в беду. Концептуально значимые образы: *мама*, *бабушка* и *внук*, который попал в беду; концепт беды актуализируется с помощью описания стандартных ситуаций нападения на сотрудника полиции и привлечения к ответственности за это: *А-а, за нападение на сотрудника полиции, -э, ударил сотрудника два раза по лицу, и разбил ему рацию, на него написано заявление; Позвони потерпевшему, пожалуйста, чтоб он заявление забрал, которое на меня написал, а то меня посадят*. Стереотипность первой ситуации представлена лексемами *подрался, ударил, разбил, возбуждается дело*. Все эти средства направлены на возбуждение в сознании слушающего содержания стандартной ситуации и ее пространственно-временной реальности, что позволяет воздействовать на эмоциональное состояние адресата, разрушая эмоциональное равновесие адресата и возбуждая его тревогу. Говорящий достигает поставленных целей, так как в речи слушающего многократно фиксируется междометие «Ой» и реплики «Ой, кошмар. Ну-у», «Ой, что это? Ой, б...ь, дурак!», что является средством вербального выражения оценки (неодобрения) и эмоций слушающего.

Важнейшим содержательным компонентом описываемой стереотипной ситуации является просьба не сообщать о событии другим близким, как правило, маме, якобы вследствие заботы об их психоэмоциональном состоянии и здоровье: *Ты только маме не говори ничё* повторяется три раза, поскольку мошенник преследует цель не допустить в коммуникацию постороннее лицо, которое потенциально сможет разорвать мошенническую манипулятивную коммуникацию.

Архетип ребенка, попавшего в беду, представлен в исследуемом тексте и посредством уточняющих вопросов, которые задает говорящий, играющий роль следователя, якобы желая по-

мочь: Дело в том, то что на вашего, так, он внук вам, да?, Э-э вы мне подскажите, пожалуйста, он ранее у вас судимый?, На учете у нарколога, у психиатра состоит?, Женатый?, Э дети малолетние на иждивении имеются?, Э так, а родители-то есть у него?, Та-ак, а отец? А отец?, Угу, так, извините. Так, а проживает-то он с вами?, Так, а мама евоная?, Так, они то есть вдвоем, да, проживают?

Отметим также, что, обозначив проблему, мошенник вводит в разговор персонажа-помощника. Реализуется схема «Помощь пришла откуда не ждали». Потерпевшей диктуется номер телефона полицейского, якобы пострадавшего от действий «внука», которому потерпевшая незамедлительно звонит и склоняет его к должностному преступлению ст. 291 УК РФ «Дача взятки» (*Ну пожалуйста, ну чего вы боитесь? Я вам клянусь. Никто не будет знать об этом. Ничего не расскажу, ничего. Абсолютно я-, й-й-я слова ему не скажу даже, никакого. Как вы скажите, так я и скажу ему, как вы скажите мне. Я вам клянусь же. Я что враг что ли? Подумайте вы.*) После уговоров потерпевший соглашается взять деньги и забрать заявление. Еще один необходимый компонент коммуникации для мошенника – режим цейтнота, который необходим, чтобы жертва не успела ни с кем связаться и восстановить эмоциональное равновесие: *Я сейчас приезжаю к вам с вашим, вместе с вашим внуком, Вы часть оплачиваете, чтоб я успел заявление забрать, потому что времени очень мало.*

Таким образом, в данном манипулятивном приеме, реализованном посредством архетипа матери и ребенка, представлены образы всепрощающей бабушки, безоглядно любящей внука, оступившегося ребенка, любимой матери, сотрудника полиции, стереотипно представляемого как потенциальный взяточник. Мотив поведения адресата задан потребностью защитить внука, уберечь его от беды, этот мотив воплощается в эмоциональной поведенческой доминанте, которая и определяет характер речи и последовательность действий адресата. Прием рассчитан на неосознаваемую актуализацию содержания стереотипа и выстраивание поведения в полном соответствии с ним.

По результатам анализа в исследуемых текстах выявлены следующие вербальные репрезентанты вышеуказанных семантических признаков:

- свойство, которое характерно исключительно для женщин: *мама, бабуля, баб;*

- взаимосвязь: *внук*;
- модель взаимодействия: *заявление, позвони, позвонишь, не говори, забрал заявление, посадят*.

В результате проведенного лингвистического анализа помимо приведенных вербальных репрезентантов были также выявлены грамматические способы представления вышеуказанных семантических признаков. Например, использование форм глагола в повелительном наклонении для выражения просьбы, что также указывает на реализованную в тексте стандартную схему поведения «жертва – спасатель», свойственную данному архетипу.

Архетип манипулятивного приема, реализованного на основе желания обрести финансовую выгоду

В исследуемых текстах фигурируют лица, представляющиеся сотрудниками финансовых организаций. Они предлагали потерпевшим денежные средства под видом компенсации, но для того, чтобы их получить, потерпевшим предлагалось внести комиссию за перевод. Разговор представляет дистантный диалог между лицами с мужским типом голоса. Отношения между коммуникантами деловые.

Данный манипулятивный прием реализован посредством архетипа «мудрец». В диалогическом тексте мошенника, который представляется сотрудником финансовой организации, с точки зрения частотности употребления слов выделены следующие ключевые слова: *сумма* – 13 раз (1,22%); *деньги* – 10 раз (0,94%); *документ* – 9 раз (0,84%); *Сбербанк* – 4 раза (0,37%); *банк* – 4 раза (0,37%). Текст направлен на то, чтобы вызвать в сознании адресата образ человека, обладающего знаниями, опытом и навыками в определенной профессиональной сфере, профессионала (мудреца), способного помочь в решении финансового вопроса. (*Объяс-, объясняю – э мы дадим ей необходимые данные для получения этой суммы, чтобы она сходила в Сбербанк с вами там, без вас, как хотите, у вас, там, на месте. Э-э мы разблокировали ей с-сумму и деньги, чтоб забра(ть), потому что мы сумму выдали*). Коммуникативно значимый образ – профессионал, который знает способ решения проблемы, но для получения результата с помощью его советов необходимо выполнить определенную последовательность действий, коммуницируя с официальными финансовыми органами, что подчеркивается лексикой семантического поля «государствен-

ный банк» и устойчивыми сочетаниями, обозначающими различные операции с финансами в банке: *Сбербанк, официально, физлицо, сумма, счет, карта «Мир», зачислить сумму, зачислить на карту, зачисляю деньги, сберегательная книжка, оператор банка «Главк».* (Всё. То есть там сумма, мы не можем зачислить ей эту сумму на карту, по одной простой причине – она является физлицом, она не писала заявление лично, от руки, поэтому её э-э, присутствие в банке необходимо для, так сказать, э-э у-у, ну-у, подтверждения её личности. Всё. Как только она подтверждает, ей там же зачисляю деньги, ну либо на-а, ну вообще делают всё это на лицевой, ну-у, то есть, на её, ну как, на её счёт. То есть у неё там э-э карта, «Мир», насколько я помню, э в Сбербанке. То есть, очевидно, есть сберегательная книжка или ещё что-то в этом духе. Ну это уже с вами конкретно оператор банка будет э-э разговаривать, повторю, вы можете её сопровождать, никто не против. Здесь нет обмана, потому что э вы поймите, она энную сумму за оформление, необходимую документов, уже уплатила, причём мы ей, ну предлагали эти документы переслать на электронку, она отказывалась. До-, документы мы сдали уже в архив, то есть мы закрыли это дело. То е-, нас, я не знаю, я бы и не вспоминал о вас, мне вот сейчас звонит, э-э, ну связываются с Главка, да, ну-у мои, так сказать, начальники, и-и вот, э-э по утверждающей сумме. Вы поймите, у нас э-э идёт уже ну новый квартал, мы за прошлый с ней отчитаться не можем. Естественно, если мы не можем отчитаться за эту сумму, а там извините, ну-у, там ... двести тысяч, там достаточно приличная сумма, которую мы отправили в регион. То есть она находится уже там, но мы не можем э-э её ей предоставить, потому что она, в буквальном смысле, ну там, не знаю, куда-то пропала, да. Мало ли жива, не жива, не дай бог, конечно, пусть всё у неё будет в порядке, но мы должны убедиться, что она, как бы есть).

Также присутствуют информативный (общался, разговаривал) и волюнтивный (... Давайте договоримся, я не знаю там, постарайтесь сегодня с ней выйти на связь, быть там рядом) коммуникативные регистры речи. Проявления архетипичности образа состоят также в том, что слушающий должен пройти определенные «испытания», чтобы достичь своей цели. (Э-э, там, соответственно, уже с Челябинска нам ... приходило, то есть что нужно конкретно от вас? Чтобы я вас не беспокоил, да, и-и вы мне уже ... Давайте договоримся, я не знаю там, постарайтесь сегодня с ней

выйти на связь, быть там рядом. Э- либо дать её номер телефона, чтоб мы могли связаться, либо я буду звонить на ваши, мне не принципиально, мне всё равно, мне нужно с ней переговорить. Вы можете присутствовать, можете не присутствовать, это исключительно ваше дело. Мы даём ей необходимую информацию для получения этих средств, она идёт в указанное отделение, где мы её, куда мы направим документы, да, потому что мы документы даже направить не можем. Мы даём, мы направляем документы, у-, даём указанное вот э-э ей, ну, получается, как, ну адрес, где находится, э-э, отделение банка, э, куда мы направим э-э полностью документацию. Она приходит с паспортом, да, подтверждает свою личность. Э-э, там, соответственно, они документы дозаполняют, и уже её отдают деньги.) Говорящий достигает поставленных целей, так как слушающий соглашается (Договорились. До свидания).

Отметим также, особенности коммуникативного взаимодействия: сочетание форм разговорной и официально-деловой речи (И у меня два варианта развития событий, либо отдать ей эту сумму, да, всё уже, довести до логического завершения, чем, собственно, и занимались. Э-э либо-о заниматься, ну-у, так сказать, в-, закрывать активы и возвращать, но это долго, геморройно и-и, ну его, извините, э, в-, проще ей эти деньги отдать, буквально); тенденция к информативной избыточности, проявляющаяся в содержательных повторях, введении различных высказываний, служащих для конкретизации сообщаемого (То есть, очевидно, есть сберегательная книжка или ещё что-то в этом духе. Ну это уже с вами конкретно оператор банка будет э-э разговаривать, повторю, вы можете её сопровождать, никто не против. Здесь нет обмана, потому что э вы поймите, она энную сумму за оформление, необходимую документов, уже уплатила, причём мы ей, ну предлагали эти документы переслать на электронку, она отказывалась. До-, документы мы сдали уже в архив, то есть мы закрыли это дело. То е-, нас, я не знаю, я бы и не вспоминал о вас, мне вот сейчас звонит, э-э, ну связываются с Главка, да, ну-у мои, так сказать, начальники, и-и вот, э-э по утверждающей сумме. Вы поймите, у нас э-э идёт уже ну новый квартал, мы за прошлый с ней отчитаться не можем. Естественно, если мы не можем отчитаться за эту сумму, а там извините, ну-у, там ... двести тысяч, там достаточно приличная сумма, которую мы отправили в регион. То есть она находится

уже там, но мы не можем э-э её ей предоставить, потому что она, в буквальном смысле, ну там, не знаю, куда-то пропала, да); отсылки к третьим лицам как источнику действия и информации (ну связываются с Главка, да, ну-у мои, так сказать, начальники, и-и вот, э-э по утверждающей сумме).

Говорящий сообщает о своих действиях, причем действиях якобы в «типовой» ситуации, уверяет слушающего в отсутствии обмана (*Здесь нет обмана*) и в законности всего происходящего; используется профессиональная лексика, включения разговорной лексики дают понять слушающему, что говорящий находится в кооперативных отношениях с ним и никак не хочет причинить вред.

Данный фигурант в рамках других исследуемых текстов применял такие приемы речевой экспрессии, как эмоциональное поздравление (*Поздравляю, деньги мы вам перевели. Два с половиной миллиона мы перели-, перевели сейчас на вашу карту, деньги уже у вас. С чем вас, родная моя, сердечно и поздравляю*).

По результатам анализа в текстах выявлены следующие вербальные репрезентанты вышеуказанных семантических признаков:

- человек, обладающий высшим знанием: *объясняю, поймите, материально-ответственные, сумма, деньги, документ, банк;*
- взаимосвязь: *разговаривали, дадим, разблокировали, забрать, выдали, хотите, нужно, хочет, захочет;*
- модель взаимодействия: *общался, занимались, занимать.*

Данный манипулятивный прием строится на архетипе мудреца, который реализован посредством обращения к образу работника банка, обладающего экспертными знаниями в финансовой сфере.

Архетип манипулятивного приема, реализованного на основе страха потери финансового благополучия

Лицо с мужским типом голоса представляется сотрудником службы безопасности банка. Речевое поведение лица в данной коммуникативной ситуации характеризуется преимущественно высокой степенью контроля, который связан с официальностью обстановки общения, большей степенью владения информацией и статусно-ролевыми отношениями говорящих. В контексте каждого диалога, построенного на основе архетипа «герой», было выделено посредством количественного анализа семантическое ядро, которое

несло в себе определенный смысл. В диалогическом тексте мошенника с точки зрения частотности употребления слов выделены следующие ключевые слова: *платеж* – 11 раз (1,7%); *отмена* – 7 раз (1,1%); *отменить* – 6 раз (0,9%). Фраза «служба безопасности Сбербанка» в тексте упоминается три раза. На основании этих данных можно сделать вывод, что текст направлен на то, чтобы вызвать в сознании адресата героя, который пытается защитить денежные средства потерпевшего от посягательств, он противостоит злу. Все вышеперечисленное направлено на создание тревожного эмоционального фона, желание немедленно сделать все необходимое для защиты своего финансового благополучия. Говорящий достигает поставленных целей, так как слушающий начинает следовать его инструкциям. *(Нужно будет назвать этот код для отмены платежа. Если у нас не получится, деньги – Вам? – уйдут. Да, там шесть цифр, больше его никому сообщать не нужно. Если мы с вами не подтвердим, платеж уйдет. Это код для отмены платежа, я сам отменить его не могу, это может делать только владелец карты, я отменить это не могу. – Всё понятно.)*

В текстах выявлены вербальные репрезентанты вышеуказанных семантических признаков. Говорящий, представляясь сотрудником «службы безопасности Сбербанка», апеллирует к профессионализму и моральным качествам, которые присущи людям, работающим в данной сфере. Бдительность слушающего притупляется, так как используются отдельные положительно маркированные лексемы, речевые клише.

Таким образом, в данном манипулятивном приеме, реализованном посредством архетипа «герой», отразился образ помогающего героя. Слушающий интуитивно схватил предложенный мотив и модель поведения и четко ее отработал. Говорящий достиг своей цели. Прием реализован.

Выше были рассмотрены варианты манипулятивных приемов, которые использует мошенник, а также архетипы, на базе которых выстраивался прием. Для наглядности сведем эти данные в таблицу.

Таблица

Манипулятивные приемы и мотивы,
которые актуализируются посредством архетипа

Манипулятивный прием / вызываемая эмоция	Архетип для реализации	Актуализируемый мотив
Манипулятивный прием, реализованный на основе страха за жизнь и здоровье близкого родственника / страх	Мать, ребенок	Защита близкого родственника
Манипулятивный прием, реализованный на основе желания обрести финансовую выгоду / радость	Мудрец	Увеличение материального состояния
Манипулятивный прием, основанный на страхе потери финансового благополучия / страх	Герой	Защита своих материальных ценностей

Стоит отметить, что каждый исследуемый текст имеет яркую эмоциональную окраску. Злоумышленник использует как вербальные, так и невербальные средства воздействия на жертву.

При проведении анализа речи мошенника, будь то письменная речь или устная, особое внимание уделяется иллокутивной составляющей речевого акта. Заметим, однако, что перлокутивная составляющая не менее важна для исследования. Обращаясь к коллективному бессознательному посредством архетипов и вызывая у слушающего определенный мотив, мошенник уже готов к определенной реакции, он ее программирует. Не всегда ответы соответствуют запрограммированному ходу диалога. Редко, но бывает и такое, что жертва не поддается на провокацию (*Вам нужны мои деньги, вам нужны. Отцепитесь вон, паразиты, на-, нахал, паразит, вор, издеватель; Нет, (сейчас), я ничего делать не буду. Я после работы заеду в банк и узнаю, что там. В «Сбербанк»*). Чаще всего после этого происходит разрыв коммуникации со стороны слушающего, но иногда, если все-таки коммуникация продолжается, на ходу меняется структура диалога, производится попытка переключиться на другой архетип, вызвать у слушающего другой мотив; мошенник также прибегает к методу эмоциональных качелей, то повышая статус жертвы, то занижая его, переходя при этом из отношений кооперации в конфронтацию и обратно. (*Валентина Сергеевна, ни какой хрень-, Валя. Я здесь, - Валя, во-*

первых, Валентина, вы уже всё потеряли, как вы говорите, и вы уже с голой задницей, голее она не станет. Я повторю, я также сейчас оплачиваю деньги свои, кровно заработанные, как и вы. Плюс, вы знаете какая у меня ситуация, сейчас в семье, Моя голубушка, оплати сейчас десять, в двенадцать всё это закончится.)

Речевой акт представляет собой, согласно теории речевых актов, сложное образование, состоящее из трех одномоментных фаз, уровней, актов. «Можно выделить три типа актов в зависимости от точки зрения их рассмотрения. Целостный речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его субстанции и языкового состава, – это локутивный акт. Иллокутивным же актом называется речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его цели и условий реализации. Наконец, перлокутивным называется речевой акт, рассматриваемый с точки зрения его результата и воздействия на слушающих» [Кронгауз, 2001, с. 125].

Фаза локуции заключается в том, что каждая реплика в диалоге выстраивается в сознании мошенника. Задача состоит в том, чтобы максимально повлиять на оппонента, зацепить его внимание. Именно на этом этапе идет обращение к коллективному бессознательному, построение высказывания для диалога так, чтобы у слушающего возник мотив делать именно то, что нужно говорящему, и не уловить манипулятивной составляющей.

Фаза иллокуции проявляется в реализации. Определившись с архетипом на фазе локуции, мошенник реализует его на иллокутивном этапе. Запускается схема «стимул – реакция». Реализация возможна только при использовании невербальных составляющих (эмоциональная речь, зашумленная обстановка и прочее). Активно используется эмоциональное нагнетание ситуации, погружение в режим нехватки времени, необходимости принятия решения «здесь и сейчас».

Фаза перлокуции проявляется в изменении поведения слушающего. Эта именно та фаза, ради которой была построена вся мошенническая коммуникация. Удачно реализованный манипулятивный прием приводит к верным, по мнению мошенника, решениям и действиям слушающего.

В рамках рассмотренных нами текстов реакция адресата следующая: 1) эмоциональная (выстроенная коммуникация приводит преступника к желаемой цели); 2) индифферентная (разрыв коммуникации и неудача преступника).

Заключение

Анализ приемов речевой манипуляции в мошенническом дискурсе на примере записей звучащей речи позволяет констатировать, что в процессе совершения преступления злоумышленник, вводя жертву в состояние эмоционального потрясения, порождает в ней определенную потребность, неосознанно возникает мотив. Создается полная иллюзия того, что все происходящее во благо жертвы. Взрослый здравомыслящий человек совершает ряд действий по указанию преступника, потому что интуитивно подхватил предложенный мотив и модель поведения и четко ее отрабатывает. Горькое разочарование наступит позже, а пока действует эта магия «здесь и сейчас», жертва даже подумать не может, что это все обман.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
- Асмолов А.Г.* По ту сторону сознания: методологические проблемы неклассической психологии. – Москва : Смысл, 2002. – 479 с.
- Балахонская Л.В., Сергеева Е.В.* Лингвистика речевого воздействия и манипулирования. – Москва : Флинта, 2016. – 352 с.
- Денисюк Е.В.* Манипулятивное речевое воздействие: к вопросу об этической оценке // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Екатеринбург, 2004. – С. 273–284.
- Доценко Е.Л., Зарубко Е.Ю.* ИмPLICITные семантические поля // Вестник Тюменского государственного университета. – 2008. – № 5. – С. 111–117.
- Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – Москва : МГУ, 1996. – 344 с.
- Женило В.Р.* Компьютерная фоноскопия. – Москва : Академия МВД России, 1995. – 208 с.
- Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 512 с.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.
- Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14–31.
- Криминалистическое исследование фонограмм ограниченного объема и низкого качества записи / Хуртилов В.О., Назарова Т.В., Панасюгина Л.Е., Лебедев К.А., Ремизова Н.В., Авдюхина О.А., Алёшина В.А. – Москва : ЭКЦ МВД России, 2007. – 84 с.
- Кронгауз М.А.* Семантика. – Москва : РГГУ, 2001. – 399 с.
- Куштаев М.И.* О ходе реализации региональной Программы Челябинской области «Профилактика преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, на территории Челябинской области на

2023–2025 годы» // Вестник ГУ МВД России по Челябинской области. – 2023. – № 2. – С. 22–29.

Литвинова Л.А. Манипулятивный потенциал ложных утверждений в структуре мошеннического дискурса // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2023. – Серия А. – С. 24–27.

Смирнова И.В. Дискурс технически опосредованного мошенничества: жанр «развод» / «разводилово» и его стратегии // Жанры речи. – 2024. – Т. 19, вып. 1(41). – С. 90–103.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1985. – 170 с.

Формановская Н.И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. – Москва : ИКАР, 2007. – 480 с.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. А. Чечиной. – Москва : АСТ, 2019. – 495 с.

Reference

- Arutyunova, N.D. (1990). *Discourse Linguistic encyclopedic dictionary*. Moscow: Soviet Encyclopedia.
- Asmolov, A.G. (2002). *Beyond consciousness: methodological problems of non-classical psychology [a textbook for university students studying in the specialty "Psychology"]*. Moscow : Smysl.
- Balakhonskaya, L.V., Sergeeva, E.V. (2016). *Linguistics of speech influence and manipulation*. Moscow: Flint.
- Denisyuk, E.V. (2004). Manipulative speech influence: on the issue of ethical assessment. In Kupina, N.A., Mikhailova O.A. (eds.) *Cultural practices of tolerance in speech communication: a collective monograph* (pp. 273–284). Yekaterinburg.
- Dotsenko, E.L., Zarubko, E.Y. (2008). Implicit semantic fields of archetypes. *Bulletin of the Tyumen State University*, 5, 111–117.
- Dotsenko, E.L. (1996). *Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection*. Moscow: Moscow State University.
- Zhenilo, V.R. (1995) *Computer phonoscopy*. Moscow: Academia of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
- Ilyin, E.P. (2000). *Motivation and motives*. Saint-Petersburg: Peter.
- Karasik, V.I. (2004). *Language circle: personality, concepts, discourse*. Moscow: GNOSIS.
- Karasik, V.I., Slyshkin G.G. (2021). Trends in the development of modern discourse. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1, 14–31.
- Khurtilov, V.O., Nazarova, T.V., Panasyugina, L.E., Lebedev, K.A., Remizova, N.V., Avdyukhina, O.A., Alyoshina, V.A. (2007). *Forensic investigation of phonograms of limited volume and low recording quality*. Moscow: ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
- Krongauz, M.A. (2001). *Semantics*. Moscow: RGGU.
- Kushtaev, M.I. (2023). On the implementation of the regional Program of the Chelyabinsk region "Prevention of crimes committed using information and telecommunication technologies in the territory of the Chelyabinsk region for 2023–2025". *Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Chelyabinsk region*, 2, 22–29.

- Litvinova, L.A. (2023). The manipulative potential of false statements in the structure of fraudulent discourse. *Bulletin of the Polotsk State University*, Series A, 24–27.
- Smirnova, I.V. (2024). Discourse of technically mediated fraud: the genre of “divorce” / “razvedilovo” and its strategies. *Genres of speech*, 19, 1(41), 90–103.
- Sternin, I.A. (1985). *The lexical meaning of a word in speech*. Voronezh: Publishing House of Voronezh State University.
- Formanovskaya, N.I. (2007). *Speech interaction: communication and pragmatics*. Moscow: IKAR.
- Jung, K.G. (2019). *Archetypes and the collective unconscious*. Moscow: AST.
-

Сведения об авторах

Миронова Александра Анатольевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного, НИУ «Южно-Уральский государственный университет», Россия, Челябинск, mironovaaa@susu.ru

Тугай Людмила Александровна – аспирант кафедры русского языка и методики обучения русскому языку, Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, Россия, Челябинск, l_tugai@mail.ru

About the authors

Mironova Aleksandra Anatolyevna – Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language, national research university “South Ural State University”, Russia, Chelyabinsk, mironovaaa@susu.ru

Tugai Lyudmila Aleksandrovna – Postgraduate Student, Department of the Russian Language and Russian Language Teaching Methods, South Ural State Humanitarian Pedagogical University, Russia, Chelyabinsk, l_tugai@mail.ru